

которые безусловно заинтересуют маленького читателя. Это сказка «Маленькая Маша» — о девочке-героине, сказки об Отечественной войне, о челюскинцах и папанинцах и т. д. Советская фольклористика также должна пристальнее заняться вопросами издания сказок для детей, так как в наши дни книга — один из самых значительных источников проникновения сказки в устный репертуар. Подтверждение этому мы находим в материалах последних экспедиций Института этнографии АН СССР и других научных учреждений.

Л. Н. Пушкарёв

Карельские эпические песни. Предисловие, подготовка текстов и комментарии В. Я. Евсеева; ответств. редактор проф. В. Я. Пропп, Институт истории, языка и литературы Карело-Финского филиала АН СССР, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, 526 стр. Цена 51 руб.

Карело-финский народный эпос принадлежит к числу величайших достижений мировой поэзии. Вместе с русскими былинами, украинскими думами, киргизским «Манасом», армянским «Давидом Сасунским» и эпосом других народов Советского Союза карело-финские руны (эпические песни) являются замечательным вкладом в социалистическую культуру нашей Родины и тем самым в сокровищницу мировой культуры. «Советские люди считают,— говорил товарищ Сталин,— что каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее».

В рунах воплотились чаяния и надежды карело-финского трудового народа в далеком прошлом, его мечта о будущем счастье, его вера в торжество радостного и свободного труда. Руны воспевают созидательный труд, трудовые подвиги народных героев, их борьбу за свободу и счастье своего народа. Совершенно особое место среди карельских эпических песен занимает цикл рун о Сампо. «О Сампо, о счастье веками мечтал карело-финский народ,— говорилось в приветствии карело-финского народа товарищу Сталину и товарищу Молотову по поводу преобразования Карельской АССР в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую республику. Об этих мечтах немало сложено былин, песен, сказаний. Вдохновленные этими мечтами, наши предки сложили руны «Калевалы», которыми и поныне гордится карело-финский народ. Немало было протестов и восстаний, немало лучших людей карело-финского народа сложили свои головы в борьбе за свободную равноправную жизнь. Но все эти восстания и протесты жестоко подавлялись царским самодержавием. И только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела наш народ, как и все народы бывшей царской России, на путь свободного развития, на путь счастливой и радостной жизни».

Трудовой карело-финский народ веками мечтал о наступлении великой эры осуществления мечты о Сампо. Как заветная эстафета передавалась из поколения в поколение неугасимая вера в наступление дней строительства нового Сампо. И как бы отвечая старым рунам, певцы рун Советской Карелии поют о воплощении вековой мечты в жизнь, о новом Сампо, построенном руками советских людей:

...Вышло солнце из-за тучи,
И из тьмы поднялся месяц,
Новое явилось Сампо
И молоть зерно принялось,
.....
Шли на юг об этом вести,
Донеслись они на север,
Что родилось снова Сампо,
Что пришло к народу счастье (стр. 429).

Карельские эпические песни давно завоевали мировую известность. А. М. Горький писал, что Лёнрот, составивший на основе карельских народных эпических песен «Калевалу», сыграл в истории карело-финской культуры такую же роль, какую Пушкин сыграл в истории русской культуры. Горький особенно подчеркивал бережное отношение Лёнрота к народным рунам, говорил о том, что Лёнрот «не переделывал народных легенд, а воссоздавал их», отличал его от «закройщиков», «которые «убивают в народной поэзии народность»¹. О самой «Калевале» Горький писал: «Мошь коллективного творчества всего ярче доказывается тем, что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного Илиаде или Калевале»².

¹ См. К. И. Чуковский, Репин. Горький. Маяковский. Брюсов. Воспоминания, М., 1940, гл. «Горький», стр. 139—140.

² А. М. Горький, Разрушение личности, Сборник статей 1905—1916 гг., изд. «Парус», 1916, стр. 10.

Руны представляют интерес и с историко-познавательной точки зрения, так как они являются почти единственным источником изучения древнейшей поры исторического развития карело-финского народа; наконец, они дают замечательный материал для изучения исторически сложившейся дружбы карел с великим русским народом.

Таким образом, изучение карельских народных рун, легших в основу составленной Лёнротом «Калевалы», представляет значительный научный интерес. До недавнего времени финляндские буржуазные ученые считали себя монополистами в области собирания и изучения рун. Многотомный сборник рун, издание которого растянулось на полстолетие (*Suomen kansan vanhat runot, I—XIII, toim. E. Niemi, V. Salmiinen* ут. Helsinki, 1908—1948), был объявлен финляндской буржуазной наукой «первым и последним сборником», так как в него были включены все тексты, записанные в XIX в. (начиная с записей Лёнрота), а дальнейшие записи якобы невозможны — карельский народ не творит, а старую традицию исполнения рун утрачивает с каждым днем (см. книгу М. Хаавио «Последние певцы рун»). Замечательные записи карельских рун, находившиеся в руках финляндских буржуазных фольклористов, были постоянным предметом националистических спекуляций, рассматривались ими как материал для доказательства тенденциозной панфинистской теории западнофинского происхождения карельских эпических песен. Поскольку в самой Финляндии руны найдены не были, великофинские шовинисты сконструировали искусственную теорию о передвижении рун с запада на восток, от финнов к карелам, которые не принадлежали к «расе господ» и поэтому своей эпической традиции иметь не могли. Финляндские «исследователи» рун всячески подчеркивали «финские элементы» в лексике карельских рун, упорно замалчивая наличие аналогичных русских, вепских и диалектальных карельских элементов. Отсутствие должной документации, сбивчивость в принципах размещения текстов внутри тома характерны для хваленного сборника, составляющего «гордость» фольклористической школы современной буржуазной Финляндии. Начав в первых томах располагать руны по принципу наличия сходных мотивов (понимаемых в духе А. Аарне), игнорируя творческое своеобразие текстов отдельных мастеров рун, финляндские публикаторы в дальнейшем потеряли веру в правильность своей методики и не нашли ничего лучшего, как располагать руны... в алфавитном порядке, по первой букве первой строки каждой руны! Фрагментарность опубликованных вариантов должна была показать «творческое бессилие» карельских народных певцов, представить их читателю в роли бесталанных передатчиков, но не творцов. Не менее характерно пренебрежение финляндских собирателей к южнокарельским сказителям. По замыслу издателей скудость представленных в многотомнике южнокарельских текстов должна была подтвердить лживую националистическую теорию об «отрицательном» воздействии соседства великого русского народа на карельскую эпическую традицию.

Советские ученые неопровержимо доказали, что руны не только сохранились, но и возникли среди карельского народа. Тщательный конкретно-исторический анализ основного идейного содержания, поэтических, языковых и этнографических особенностей рун позволил убедительно показать их историческую принадлежность карельскому народу. Большую роль в этом сыграли работы Председателя Верховного Совета Карело-Финской ССР О. В. Куусинена, опубликованные в дни 100-летнего юбилея полного издания «Калевалы» (1949), а также работы В. Я. Евсеева, Юрье Сирола, Д. В. Бубриха, Е. Г. Кагарова и др. Советские ученые, исследовавшие карельские эпические песни, выработали четкие принципы записи, публикации и исследования народных рун. Ярким доказательством этого является рецензируемый сборник рун, недавно изданный Институтом истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР (составитель В. Я. Евсеев). Основа успеха советских собирателей хорошо охарактеризована в предисловии к сборнику: «Условия жизни в Советском государстве уничтожили недоверие сказителей к собирателям карельского эпоса. Видимо, барское отношение к рунопевцам, проявлявшееся у буржуазных собирателей начала XX в., не скрывавших своего презрения к народу, в значительной мере и определило скудные результаты собирания карельских рун в первые десятилетия XX в., особенно на территории южной Карелии. Совсем иначе отнеслись певцы рун к фольклористам в условиях советской действительности» (стр. 17).

В сборнике «Карельские эпические песни» впервые публикуются 225 вариантов традиционных и советских карельских рун, записанных от 70 сказителей из различных районов К.-Ф. ССР. Как сообщает составитель, в сборник вошла примерно половина записей, произведенных с 1934 по 1949 г. на территории республики сотрудниками Института истории, языка и литературы К.-Ф. филиала АН СССР и хранящихся в архивах Филиала. Таким образом, сборник дает избранные записи последних 15 лет и характеризует исторически определенный этап в развитии карельской эпической традиции — годы сталинских пятилеток и великих побед социалистического строительства, годы Великой отечественной войны и первые послевоенные годы. Вошедшие в сборник записи убедительно демонстрируют активность бытования рун в наши дни, бережное отношение людей эпохи социализма к великому культурному наследию прошлого. Вместе с тем сборник показывает, что карело-финский народ не только бережно хранит поэтические достижения прошлых эпох, но и активно развивает, продолжает и творчески преобразует эпическую традицию. 39 рун сборника посвящены нашим дням. Среди них руны о Ленине и Сталине, о героических днях гражданской

войны в Карелии, о легендарном походе Тойво Антикайна к Кимас-озеру, о Видлицком десанте, проведенном по приказу И. В. Сталина и решившем судьбы белофинской авантюры в 1919 г., о социалистическом строительстве в К.-Ф. ССР, о славных подвигах советского народа в дни Великой отечественной войны и о его замечательных послевоенных успехах.

Богатство и многообразие вариантов, опубликованных в сборнике, являются лучшим доказательством решающей творческой роли карельского народа в создании и развитии карело-финского эпоса. 225 текстов рун охватывают около 80 важнейших карельских эпических сюжетов; следовательно, на каждый сюжет приходится в среднем по 3—4 различных варианта. Принципы отбора вариантов четко обоснованы во введении и представляются совершенно правильными. Составитель руководствовался стремлением охарактеризовать эпическую традицию каждого района К.-Ф. ССР с возможной полнотой и в объективных пропорциях. Поэтому записи из так называемой Ухтинской Карелии (ныне район Калевалы), где традиция исполнения рун наиболее активна, представлены большим числом вариантов, чем записи из других районов. Вместе с тем составителю удалось довольно полно опубликовать тексты крупнейших знатоков рун — наших современников М. И. Михеевой, Е. Н. Хямляйнен, М. А. Ремшу, Т. А. Перттунен, А. И. Ананиной, А. Ф. Никифоровой и др., не нарушая основного принципа публикации. Составитель заметно стремился также к сохранению правильных пропорций при публикации вариантов отдельных сюжетов. Так, сводная руна об Ильмойллине (= Ильмаринене), наиболее популярная среди южных карел («ливвикот» и «люддикот»), представлена в 22 различных вариантах, руна «Лемминкяйнен на пиру в Пийвеле», одна из наиболее популярных на севере, дана в 12 вариантах, руна «Анни отвергает жениха», популярная среди «собственно карел», — в восьми, «Выкуп девушки» — в десяти и т. д. В то же время руны, менее популярные, даны в одном-двух вариантах, не больше. Все это говорит о том, что отбор рун для сборника не был случайным и сборник действительно может явиться надежным пособием при изучении исторически определенного этапа развития карельского народного эпоса.

Сборник «Карельские эпические песни» показывает бережное отношение к текстам, записанным от рунопевцев. По типу издания рецензируемый сборник приближается к вышедшему в 1940 г. сборнику Н. П. Дыренковой «Шорский фольклор», одобренному, как известно, А. М. Горьким. Тексты рун напечатаны одновременно и параллельно на диалектах сказителей и в русском прозаическом литературном переводе, дающем возможность уверенно пользоваться ими и фольклористу, и этнографу, и историку, и поэту-переводчику. Следует лишь пожалеть о том, что составитель отступил от этого принципа в разделе «Советские эпические песни», руководствуясь, очевидно, желанием передать и поэтические особенности оригинала.

Круг вошедших в сборник песен широк. Он включает в себя как древнейшие карельские эпические песни, так и руны сравнительно позднего происхождения, и завершается эпическими песнями на советскую тематику. Такое построение сборника помогает выявить историческую роль традиции, ее жизнеспособность и плодотворность и выгодно отличает его от финляндского многотомника, механически делящего руны на «калевальские» и «некалевальские» (т. е. включенные Лёнротом в «Калевалу», либо не включенные).

Особенное значение имеет публикация большого числа вариантов, записанных в южных районах республики. По замечанию автора предисловия: «На территории расселения южнокарельских этнических групп «ливвикот» и «люддикот» по Петровскому, Ведлозерскому и Олонецкому району К.-Ф. ССР за истекшие 20 лет советским фольклористам удалось записать в несколько раз большее количество вариантов рун, чем финляндским фольклористам за сто лет на той же территории» (стр. 16—17). Опубликованные варианты южнокарельских записей приобретают особенное звучание в связи с тенденциозными националистическими утверждениями финляндских буржуазных фольклористов о якобы отрицательном воздействии «русского соседства» на эпическую традицию южных карел.

Таким образом, сборник, составленный В. Я. Евсеевым, представляет большой научный интерес и явится крупным событием в области собирания и изучения эпического наследия народов Советского Союза. Изданный сборник нанесет ощутительный удар антинародным националистическим «теориям» финляндских буржуазных фольклористов, не желающих сил для доказательства западнофинского происхождения карельских эпических песен.

Предисловие к сборнику и обширный авторский комментарий дают критический обзор публикаций и толкований отдельных сюжетов в работах советских и зарубежных исследователей. В то же время для каждого публикуемого варианта даются сведения о времени и месте записи и указания на близкие варианты, записанные от других сказителей, как опубликованные, так и хранящиеся в архиве К.-Ф. филиала АН СССР.

Сборник снабжен детально разработанным аппаратом, включающим указатель сюжетов, сведения о рунопевцах, указатели собственных имен и географических названий и т. д. и позволяющим быстро ориентироваться в многочисленных вариантах, именах, пунктах записи и т. д. Значительный интерес представляет карта бытования рун и пунктов, в которых работали советские фольклористы в 1934—1949 гг.

Сборник «Карельские эпические песни» — значительный вклад в советскую фольклористику. Острая политическая направленность каждой детали работы составителя и редактора, правильно избранный тип издания, бережное отношение к народному слову безусловно обеспечат ему успех как у широкого читателя, так и среди специалистов.

Вместе с тем сборник не свободен от некоторых недостатков. Обращает на себя внимание досадное отсутствие нотных записей рун, совершенно необходимых в таком сборнике. Руны, как и всякие другие песни, не могут быть изучены без привлечения музыковедов, без всестороннего раскрытия художественного образа, творимого сказителем. Отсутствие нотных записей ощущается особенно остро потому, что в К.-Ф. ССР в послевоенные годы совершенно не ведется работа по собиранию и изучению карельской народной музыки.

Вызывает некоторое удивление «обезличивание» работы переводчиков — отсутствие фамилий переводчиков, осуществивших прозаический либо поэтический перевод той или иной руны. Между тем переводы отдельных рун далеко не равноценны. И, наконец, предисловие написано несколько неровно. Ясность и простота формулировок подчас сменяются туманными и запутанными фразами, вроде «древние элементы сюжетов рун «Калевалы» идейно цементировались в композиции тех или иных карело-финских эпических песен» (стр. 4) и т. п.

Отмеченные недостатки, однако, не снижают общей высокой ценности сборника. «Карельские эпические песни» являются существенным вкладом в советскую науку.

К. В. Чистов

НАРОДЫ АФРИКИ

С. Р. Смирнов, *Восстание махдистов в Судане*, Академия Наук СССР, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. VI, М.—Л., 1950, стр. 101.

Одной из наиболее характерных особенностей советской этнографической школы является ее тесная взаимосвязь с исторической наукой в целом. Советские этнографы, не ограничиваясь рамками собственно этнографических источников и узко-этнографических вопросов, выступают как историки, владеющие комплексным методом исследования, что позволяет привлекать различные исторические источники для решения этнографических проблем и, наоборот, — этнографические материалы для изучения вопросов политической истории. Такова именно работа С. Р. Смирнова, где автор посредством привлечения этнографических данных всесторонне освещает один из важнейших периодов политической истории Судана — восстание махдистов.

В 13 главах рецензируемой работы последовательно рассматривается положение Судана накануне восстания, основные моменты истории колониального раздела Восточной Африки, причины восстания махдистов, его ход, характер, сущность и значение махдистского движения и причины его неудачи. Автор убедительно показывает, что восстание махдистов, несмотря на его религиозную окраску, являлось борьбой широких народных масс Судана против агрессии английского империализма, национально-освободительным движением, носившим «ярко выраженный антиимпериалистический, антибританский характер». Этот основной вывод правилен и хорошо аргументирован, а работа С. Р. Смирнова, дающая в условиях непрекращающейся и все более усиливающейся борьбы суданского и египетского народов за свою национальную независимость яркую картину одного из крупнейших национально-освободительных движений эпохи империализма, является весьма актуальной.

В работе очень хорошо и четко показан социальный характер махдистского движения и созданного им государства. На первом своем этапе, до момента овладения столицей Судана Хартумом, движение имело широкий, всенародный характер: махди был выразителем стремлений народных масс, а верхушка суданского общества, не направляя движения, примкнула к нему для того, чтобы хотя частично использовать восстание в своих интересах. На втором этапе, после взятия Хартума и изгнания англо-египетских захватчиков за пределы страны, началось феодальное перерождение махдистского государства. Феодально-рабовладельческая верхушка захватила политическую власть и резко усилила эксплуатацию народных масс. Это привело к расколу и ослаблению движения и в результате — к победе английских захватчиков, со своей стороны всемерно разжигавших борьбу между феодальным и народным лагерьями махдистского государства.

Правильно охарактеризована автором диалектическая сущность махдизма в Судане: реакционное по своей идеологии махдистское движение объективно сыграло прогрессивную роль, будучи направлено против колониальной системы английского империализма и, как все другие антиимпериалистические движения, расшатывая эту систему. Следовало бы все же, нам кажется, более определенно указать на связь махдистской идеологии с панисламизмом, о чем в работе говорится лишь мимоходом, и дать более обстоятельную критику именно этой части реакционного махдизма.